

84.09
к х 98
164261

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

ПОЮТ
ДУБРАВЫ

С

Национальная библиотека ЧР



00164261

15125

164261

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

X92

ПОЮТ ДУБРАВЫ

СТИХИ

*Авторизованный перевод
с чувашского*

Чувашская
Республиканская
Библиотека
им. М. Горького

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1953

УРОВЕРЕН
2010 07 СЕН 2017

M. 164961
обз. - 1953



ЗДРАВСТВУЙ, ПУШКИН!

...К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, — три тела висели на перекладине... Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш.

А. Пушкин

1

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешней вал:
По селам края моего родного
С «Онегиным» тогда я разъезжал.

...Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азиям:
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, всюду послевая,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.

А ветер чью-то песню допекает
И колокольчика доносит звук.

Там где-то, по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный — пленником в отчизне,
И нет конца колдобинам пути.

Один, один... Покажется и сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосую,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся в безбрежье Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
Попробуй вслух хоть раз о них вздохнуть!

Булгарин, царь, тупая чернь в ливрее...
Сверкнул белками он, сжав крепко рот.
Медвежья шуба греет и не греет,
На бакенбардах — инея налет.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип, да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

2

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Ныряет в редких тучах над леском:
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Мой удивлен водитель.
Я с ним сам-друг. И больше никого?
Нет: с нами третий, не набором литер —
Живым и близким чувствую его.

Теснее, Пушкин! Мягкое сиденье
Удобно ли? Тепло ль тебе, поэт?
Позволь поведать о любви, что бденье
И сон мой заполняла много лет.

Давно все это было... Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп...
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошел ты сквозь лучинную тоску.

Осенними ночами долго, молча,
Облокотясь сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как с болью в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В твоих кудрях, как повилика цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах — еще надутых, полудетских —
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,
Подкидыш-ветер, плачущий так горько, —
Все обретало смысл иной...

3

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной.

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,
И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Я понял: жизнь не праздник, — не пристало
Беспечной песней каждый день встречать.
И в поэтический бокал немало
Пришлось воды мне трезвой подмешать.

Долг рос. Не выплатил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять к тебе в учение итти.

И вот я толмачом твоим¹. Татьяна
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью².

Но, любознательная по природе,
Она вникала чутко в разговор —
И «полурусской» прослыла в народе
Подруга черноокая с тех пор.

Что ж! Пусть во мне потоков двух слиянье
Вскипает благотворною волной.
Не гордый внук славян, но — россиянин —
Хочу я русский знать, как свой родной. . .

¹ Автор перевел на чувашский язык «Евгения Онегина», «Полтаву» и много лирических стихотворений Пушкина.

² Тухья — шлемообразный головной убор чувашской девушки, унизанный серебром и бисером.

И ты, как вызов правилам вселенной,
Бушуешь всенародно, вечно юн.

Лети, машина, будоража сердце,
Врезайся с ходу в светлые века!
Но здесь... позволим мы откинуть дверцу:
Нас ждет очаг, — передохнем слегка...

Смотри: нет больше перекатной голи,
И каждый новый шаг осмыслен наш.
По Волге плыл, качаясь под глаголем,
В крови тонул, но выжил — жив чуваш.

С широким сердцем он тебя сегодня
Встречает как родного у ворот.
Любовь народа Волги полноводней.
— Войди, о гость, и проходи вперед.

За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем: да не остынет дружбы жар.
До дна! А если мало — звезды с неба
Мы зачерпнем литым ковшом Стожар.

1937—1949

СЧАСТЬЕ СВОБОДНОГО ТРУДА

...Я желаю Вам, вашим литераторам и каждому из народа Чувашии глубоко, на всю жизнь почувствовать великое счастье свободного труда и творчества.

*Из письма чувашской журналистке.
М. Горький*

1

Свободный труд... Да полно, мы ли это?
Ярмом, проклятьем черным был нам труд.
На узкой полосе, не видя света,
Кротоми рылись мы... До счастья ль тут!

Межа разъединяла наши души,
Земля нам злою мачехой была.
Побьет ли градом хлеб иль зной засушит —
Всегда нам угрожала кабала.

Батрачили и шли мы в лесорубы,
Чтоб мог «король дубрав» Ехрем-хузя
Сплавлять по Волге доски, клепку, срубы,
На спины наши тяжести груза.

Когда, вконец измучась, обессилев,
Мы падали на пашнях и в лесах,
Лишь ветры стоны наши уносили
В холодные, чужие небеса.

И «бог церковный» и чувашский пюлих
Внимали только звону серебра.
Попы, жрецы последнее тянули
Из нищенского нашего «добра».

А мы, свои растягивая связки,
Ладони в кровь стирая, дотемна
За пять копеек, на харчах хозяйских,
Цепами молотили среди гумна.

На Волгу, на базар бурлацкий, шли мы
С раскрашенными ложками на лбах.
Тот знак читался так идущим мимо:
«Корми — и будешь ты иметь раба...»

Мы крючниками шли толпой на баржи,
Мы за бесценок разгружали соль,
Спускались в шахты... И везде на страже
Стояли голод, холод, хворь и боль...

Свободный труд! Да, только тот и может
Почувствовать величье этих слов,
Кто на своих костях узнал и коже,
Как труженику было тяжело.

Благословенна память о великом
Работнике отчизны навсегда:
Он руку дал вчерашним «безъязыким»,
Всякая веру в торжество труда.

Межа! Она разъединяла вечно
 Сердца, умы, народы, языки.
 Покончили мы с ней — и бесконечной
 Энергии открылись родники.

Мы поднялись, свободные навеки,
 Хозяева и мастера земли.
 Труд делом чести стал для человека,
 В нем мы впервые счастье обрели.

Мы, знавшие нагайки, да кутузки,
 Да вечный страх перед грядущим днем,
 Ведомые рабочим классом русским,
 Воспрянули и сердцем и умом.

Дрожали пред кокардой мы любовью,
 Страшились слов «полиция», «Сибирь».
 А ныне сами правим мы судьбою,
 Неизмерима нашей жизни ширь.

Столетиями ждали мы ответа
 На крик души, терзаемой в тисках.
 А ныне мы в любом труде — поэты,
 Мечта веков доступна нам, близка.

Не смели громко петь мы, — только горе
 Выплакивал ночами хоровод.
 А ныне мы — в едином братском хоре,
 И полным голосом запел народ.

Все лучшее, что крепло в нас веками,
 Дорогу пробивает: так поток

В конце концов продалбливает камень,
Стирает скалы грозные в песок.

Наш путь — вперед! Такая всюду жажда
Познания, созидания у нас,
Что кажется: задумает — и каждый
Создаст неповторимое сейчас.

Освобожденный труд, штурмуя небо,
Освободил и разум наш навек.
Никто и никогда так счастлив не был,
Как счастлив наш советский человек.

1952—1953

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Московский август... После съезда
Большой писательский банкет.
Там за столом — по праву — место
Нашел и я, чуваш-поэт.

Сейчас с закрытыми глазами
Я вижу это торжество;
Родного Горького меж нами,
Улыбку добрую его.

Он оглядел весь зал Колонный
И пригласил нас всех за стол.
Стучало сердце учащенно,
Когда к нему я подошел.

В короткий миг рукопожатья
Хотелось многое сказать,
Но лишь себя успел назвать я
Да свой родной народ назвать.

Ему я передал горячий
От всей Чувашии привет
И оробел, как школьник младший,
«Спасибо!» услыхав в ответ.

Заметил взгляд его сердечный,
Морщины умные у глаз.
Себя неловким бесконечно,
Наивным чувствовал в тот раз.

Но в этом взгляде — не забуду —
Завет я прочитал: «Учись —
И одолеешь все!» Как будто
Мне дали крылья на всю жизнь...

Порой, средь волгарей исконных,
Людей встречать случалось мне,
Что тяжесть весом в четверть тонны
Нести способны на спине.

Иметь витые надо жилы,
И волю в бурях закалить,
И твердо верить в свои силы,
Чтоб груз тот на спину взвалить.

Знать, никакая непогода
В пути такому не страшна!
Выносливость борца-народа
Мне в волжском грузчике видна.

Напомнил грузчика такого
Тогда плечистый Горький. Он
Был горем люда трудового
В России старой нагружен.

Все угнетавшее от века
Он вынес, величав и прост,
И труженика человека
Смог показать нам в полный рост.

Не перестану вспоминать я
Его живым и полным сил.
Тепло его рукопожатья
Я до сих пор не позабыл!

1951

ПО БОЛЬШАКУ

(К 30-летию Чувашской АССР)

Сегодня ты на большаке истории
Дивишься прошлому и ясно видишь даль.

Народный поэт Чувашии С. Эльгер

Тридцать лет... Ты, как зрелый и сильный
Человек, распрявился и встал.
Никогда еще, край мой обильный,
Ты красую такой не блистал.

В тридцать лет так шагнул далеко ты,
Будто тридцать столетий прожил.
Ратным подвигом, честной работой
Славу добрую ты заслужил.

Вечный труженик, скромный, негордый,
Ныне с теми ты, кто впереди,
И с достоинством носишь свой орден —
Орден Ленина ты на груди.

В день счастливый средь братьев-соседей,
За торжественной чарой вина
Называешь в душевной беседе
Дорогие нам всем имена.

Среди равных ты сделался равным,
На виду ты сидишь за столом,
А ведь было совсем то недавно —
Ты стоял, как чужой, за углом.

Снявши шапку, с приниженным видом,
Ты с богатым не смел толковать.
Но в душе закипала обида,
Поднимался и ты бунтовать.

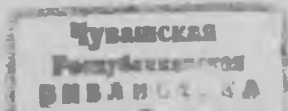
В революцию с русскими дружно
Ты своих лиходеев громил.
Ныне, выйдя из черных избушек,
Двери ты во дворец отворил.

Полный света, глубокого смысла,
На мечты вековые в ответ,
Золотыми словами написан
О твоём равноправье декрет.

И когда ты по-братски с соседом
За столом за дубовым сидишь,
Ты не можешь молчать о заветном,
Ты от сердца слова говоришь.

Есть у нас поговорка: скорее
Хмель потонет иль камень всплывет,
Чем какая-то буря ответ
От России чувашский народ.

Уж четыреста лет защищает
Нас могучий и ласковый брат,
Делит с нами Россия родная
И победы и горечь утрат.



Пусть же здравствовать не перестанет
Русь-отчина во веки веков.
Вейся ты над Чувашией, знамя,
Знамя верное большевиков!

1950

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ

1

Когда краса и гордость дома —
Петух наш — трижды пропоет,
Я подхожу к окну двойному,
Смотрю спросонок на восход.

Зарею желто-розоватой
Подернут неба узкий край.
В степи алеет снег по скату,
И вдруг, как будто невзначай,

Сковородою раскаленной
Всплывает солнца красный диск.
На стеклах, словно золоченых,
Цветы нездешние зажглись.

Морозно. Дом простыл к рассвету.
Я выхожу: топить пора.
По завещанию поэта,
Дрова колю среди двора¹.

¹ М. Сеспель — зачинатель чувашской советской поэзии (1899—1922) — писал: «Пусть поэт дрова поколет...»

Поленья мерзлы, суковаты,
Удар — и отскочил топор.
Но бьешь да бьешь по ним, пока ты
Не кончишь этот долгий спор.

Вот так и с первою строкою:
Не те слова, не тот накал,
И рифмы врозь. . . И нет покоя,
Пока на след ты не напал.

Готовит завтрак мать-старуха,
Блины гречишные шипят.
Зимою, в стужу-завируху,
От них теплее, говорят.

Вот заскрипели половицы:
Мать чай несет. Клубится пар.
И важный, словно сват, садится
В конфорке-шапке самовар.

Но я о прозе забываю,
Сев за рабочий стол к окну,
И вновь тетрадку открываю,
В окно уставясь — на сосну.

2

Сосна шумит. Сугроб за нею
Напомнил чем-то мне Казбек.
А вон, замерзшая, синеет
Инча — светлейшая из рек¹.

¹ И н ч а — жемчуг.

Я не сравнил бы с морем целым
Теперь одной ее струи:
На берегу, под снегом белым,
Там детские следы мои.

Там, засучив штаны, бродила
Моя недоля сиротой
И старым решетом ловила
Рыбешку мелкую весной.

Какое все же это счастье,
Когда колючий первый ерш
Заплещется в нехитрой снасти! —
На всю окрестность заорешь.

А летом, в жаркую погоду,
Мы в день купались раз по семь.
Чуб высох — значит, снова в воду,
Нырять по омутам по всем!

Обвеян дальними ветрами,
Пропитан солью трех морей,
Смотрю на речку в зимней раме
И знаю: нет ее милей!

На берегу все те же ивы,
А дальше — ферма за рекой;
К ней, вижу, на коне ретивом
Подъехал бригадир рысцой.

Там симментальские телята,
Бараны-мериносы там.

Все стало явью, что когда-то
Показывали в книжках нам.

Там, над Инчой моей жемчужной,
Стоит высокий светлый дом:
То штаб артели нашей дружной, —
Недавно побывал я в нем.

Там в раме Иванов¹ мечтает,
О лучшем думы затая;
В другой узнал портрет Тукая,
Татарского поэта, я.

Ровесники, друзья по духу,
Они — с народом, что навек
Похоронил соху-старуху
И корень нищенства подсек.

в

Шумит сосна. Я поработал.
Петух не зря пропел зарю.
Пусть нелегка моя забота —
Всегда я правду говорю.

По правде ж — здесь еще не праздник:
Колхоз наш не миллионер,
Соломой ветер с крыши дразнит,
И вид села довольно сер.

¹ Константин Иванов (1890—1915) — народный поэт, основоположник чувашской художественной литературы, автор знаменитой поэмы «Нарспи».

Не все мы носим драп, на многих —
Домашнего сукна кафтан.
Еще не в фетр обуты ноги,
И кочедык в музей не сдан.

Но под соломенную крышей
Уже иных событий ход.
В названьях улиц даже слышно,
Как новь великая растет.

Вот, например, я жил на Задней,
И в детстве думал часто я:
«Ужели будет неприглядной
Вся жизнь, как улица моя?»

А нынче, подойдя под вечер
К селу родному — не гадал! —
На крайнем доме, на дощечке,
Я имя Пушкин прочитал.

Глядишь — стоят под снежной пеной
Столбы в блестящих проводах;
Стоят над крышами антенны,
Развевая суеверье в прах.

Теперь, я знаю, в доме каждом
В тиши чувашских сел стучат
Сердца родных моих сограждан
Со всей советской жизнью в лад.

Свои усилья умножая
Без шума и без лишних слов,
Здесь люди знают: урожай —
Удар по проискам врагов.

Я видел их: вчерашний воин,
Парторг сегодня, сев за стол,
Как над двухверсткой перед боем,
Над «Кратким курсом» ночь провел.

Над схемой севооборота
Склонился председатель наш.
С артелью, как бывало с ротой,
Он совершит победный марш.

Они прошли, солдаты наши,
Европу вдоль и поперек:
Румынские заплаты-пашни,
Немецкий серый супесок,

Австрийские луга, долины
Болгарских роз, венгерский лес —
Все памятно бойцам доныне,
Но лучше нет родимых мест.

4

Шумит сосна. Уже над нею
Зажглася Ужина Звезда¹.
Окно синей, в избе темнее...
Подтопку топим, как всегда.

В воле печем «картошку в шубе»,
Поспела — словно бы мячом
Играя, обжигая губы,
Едим ее мы с варенцом.

¹ Звезда Ужина — Сириус.

Все так же в полумраке синем
Мигает свет — «цыплячий глаз».
Все так же пахнет керосином
По вечерам в избе у нас.

Но уж коптилки стали редки,
Есть свет другой верстах в пяти;
По воле нашей пятилетки
Не сможет нас он обойти.

За огоньком неяркой лампы
Я вижу нового черты.
Пищу — и воплощают ямбы
Мои заветные мечты...

5

Шумит сосна... крепчает ветер.
Знать, до утра не жди добра.
Зарядкой будет на рассвете
Уборка снега со двора.

Завьюжило кругом... Вдыхает,
В ладонь покашливая, мать.
А боль в ноге напоминает
О Сталинграде мне опять.

Но вот на огонек заходит
Сосед мой, гвардии солдат.
Привет. Два слова о погоде.
Я оживаю, гостю рад.

О маршах говорим, о фронте,
Но не затем, чтоб вновь там быть,

А чтобы в грозное «Не троньте!»
По праву голос наш включить.

Пусть воин покалечен в танке,
Пусть тих и скромн он на вид,
Но ворс его простой ушанки
След от звезды еще хранит!

Мне кажется, что отпечаток
Такой же на душе моей.
Вгляну я на руку в перчатке —
И будто боль в ноге слабей.

А речь идет уж о плотине,
О стройке ГЭС — в счастливый час, —
О свекле сахарной, о дыне,
О многом, что волнует нас...

6

Бывает, что хранитель древний
Преданий и легенд ко мне
Заходит на чаек вечерний
Потолковать о старине.

Какой родник живого слова!
Бесценна каждая струя.
И жадно впитываю снова
И снова все до капли я.

Когда сказитель седовласый
Смолкает, — новый гость опять:
Поэт, школяр восьмого класса,
Приносит мне свою тетрадь.

Я вслух стихи его читаю.
Он, шейным вязаным платком
Как будто снег с лица стирая,
Бормочет: — Лучше вы потом...

Тогда мы, по слогам хорей
Да ямбы меря, шутим так:
Пока огонь горит, скорее
Разжечь бы новый нам очаг!

Мы о чувашских полугласных,
Об удареньях говорим...
И представляется мне ясно:
Я — мост от старых к молодым.

Пусть годы-волны бьют о сваи,
Расшатывая их, — вперед
И прямо, юность боевая,
Бесстрашный, дерзкий вездеход!

Столбы — поэмы, а доскою —
Мой каждый стих, и вот настил.
Его не варом, не смолою,
А кровью сердца я полил.

Там, впереди, счастливый берег,
Там радуга цветов живых.
Держайте! Будете, я верю,
Там молоды навеки вы.

И там звенеть чувашской речи.
Я вижу — берег недалек.
Плечо к плечу! Держитесь крепче.
Раздайся, дружный топот ног!

Шагайте по мосту, потомки, —
Его я выстроил для вас —
И песни счастья пойте громко,
Мой голос вспомнив в добрый час!

7

Сосна шумит в ночи глубокой.
Не спится. Кровь стучит в висках.
Я вижу город мой далекий
И ту, что всюду мне близка.

В воображеньи нахожу я
Слова, всех прочих слов нежней, —
Слова, которых не скажу я,
Быть может, никогда при ней.

И я зову: вперед и выше!
Пусть ветер лют и крут подъем, —
Твой каждый вздох в пути я слышу,
Итти нам до конца вдвоем.

Вперед и выше! Коль погаснуть,
Так самой яркою звездой! —
Чтоб ослепительный и ясный
Зажегся свет от нас с тобой. . .

Пора! День новый недалеко!
Сосна уснула. Жар потух.
Вновь свет зари встает с востока,
Вновь на дворе поет петух.

КОНСТАНТИНУ ИВАНОВУ

1

Ты — первая любовь моя
И первый жаркий трепет сердца.
С тобой поверил в слово я,
Ты дан в наставники мне с детства.

Ты — дружбы доброе вино:
Тост поднят — и до дна, не так ли?
А выпив, вновь гляжу на дно,
Последние смакуя капли.

Ты — зеркало моей души,
Смотрю и говорю себе я:
Минутной славой не дыши,
Всю жизнь — избраннице идее!

Спроси себя: и впрямь ли ты
Имеешь что поведать миру?
Коль так, взнуздай коня мечты,
Берись уверенней за лиру.

Но если людям песнь твоя —
Вчерашний день, скажи спокойно:
Вы пойте, сверстники друзья,
А я — ваш слушатель достойный.

2

Ты — первая любовь моя,
И в дни великого похода
В пробитой пульей сумке я
Твой стих пронес как честь народа.

Бойцам читал я про Нарспи
У волжской сказочной твердыни,
В донецкой выжженной степи,
Под Брянском, в Сандомире, Гдыне...

Мне шумный памятен привал.
Грузин воскликнул: — Руставели! —
Бакинец Низами назвал,
Украинцы Шевченко спели.

Узбек кричал: — Наш Навои!
— Наш Пушкин! — прогремело всюду.
Все знали: впереди бои,
За все они в ответе будут.

Как горд я был, когда чуваш
Прислушался к родному слову,
Поправил молча патронташ
И вдруг сказал: — За Иванова!

С простой фамилией мильонов,
 Народа-труженика сын,
 Ты встал над Волгой обновленной,
 Навеки юный, Константин!

Ты, следуя за Горьким твердо,
 В глухие, мрачные года
 Прославил Человека гордо
 И торжество его труда.

Не знавшие тебя, влюбленно
 Читавшие из года в год,
 Мы видим взгляд твой удивленный,
 Бровей трепещущих разлет.

Да, все достойно удивленья,
 Все радует и слух и взор.
 Не плачет по глухим селеньям
 Невест чувашских грустный хор.

Батрацкой долей удрученный,
 Не стонет в горе твой Сетнер:
 Он — мастер поля, врач, ученый,
 Артист, художник, инженер...

Все двери нам открыты настежь
 Во все края, во все концы.
 Мы — радости земной и счастья,
 Мы — новой истины творцы.

О юноша с душой крылатой,
Кудесник слова, чародей!
Ты был нам музыкой и клятвой,
Надеждой, лаской с детских дней.

Ты был, и есть, и будешь снова
Залогом силы, красоты,
Богатства языка родного,
Его высокой простоты.

Так стой же славою народа,
В сердцах и в памяти живи,
Глашатай правды, и свободы,
И человеческой любви!

1940—1952

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

В. К.

Как облака чудесно превращенье!
Я вижу то верблюда, то коня.
Уж близок вечер. Канули в забвенье
Все мелочи угаснувшего дня.

Я к землякам пришел в село родное,
И встретила меня старуха мать.
Хлопочет, рядышком сидит со мною,
Боится, что я вдруг уйду опять.

Здесь, на лужайке, пир у нас богатый.
Стоит кувшин на праздничном столе
А солнце разбросало в час заката
Сандаловые брызги по земле.

За изобилье тост я поднимаю,
За наш колхоз и дом любимый мой.
Тебя, моя подруга, вспоминаю:
Как жаль, что нет тебя сейчас со мной.

Мать догадалась о моей печали.
Так где же ты, беспокойная душа?

Я пью и вижу — это засверкали
Твои, твои глаза на дне ковша.

И снова сердце что-то взволновало.
Не за калиткою ли ты стоишь?
Не щелкнет ли щеколда, как бывало,
Нетерпеливо, весело? . . . Но — тишь.

Над крышею Медведица Большая,
Как этот ковш, что опрокинут мной.
Пусть жизнь всегда сияет нам такая,
Как Млечный Путь, широкий и прямой.

Все тянется вечерняя беседа.
Я — гость, и мне наказ нелегкий дан:
Того попробуй, этого отведай. . .
А вот и знаменитый наш ширтан¹.

Вкусней стократ народа спутник давний,
Когда он плод артельного труда.
Так пусть же в жизни изобильной, славной
Не сходит со стола он никогда.

Сижу я поздно с матерью своею.
Луна над нами словно круглый сыр,
И для старушки нет минут светлее:
Я с ней — ее неугомонный сын!

Но где же, где же ты в минуты эти?
Нет от тебя ни писем, ни вестей.
Когда б к тебе слетал наш теплый ветер,
Ты слышала бы вздох души моей.

¹ Ширтан — род колбасы из баранины.

Доносится с насеста шелест перьев.
В молчаньи чутком стыннут небеса...
Я жду тебя, люблю и, значит, верю,
Коль смог стихотворенье написать!

1946—1952

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1

...И скинул лес кафтан свой порыжевший.
Отава вянет. Солнце все бледней.
Молчит дуб старый, как пастух, присевший
Перед костром, у гаснущих углей.
О зрелость года — осень наливная!
Земное изобилье бьет ключом.
Веселый шум за праздничным столом.
Я полный ковш с друзьями поднимаю.

2

Горите с треском в очаге, дрова!
Ты, песня, коротай мой сельский вечер.
Рождайтесь, вдохновенные слова,
Волнуйте кровь размеренною речью.
Густое пиво, пеною сверкай!
Далекие друзья, здоровье ваше!
За вас охотно выпью эту чашу,
За всех, кто любит свой родимый край.

В Москве ли вы, собратья по работе?
 На Волге ли трудиться вам дано?
 В Туркмении без друга чай вы пьете
 Иль в Грузии искристое вино?
 Влюбились ли в поющий, светлый Киев? ..
 Вы близки мне: отвага нас роднит.
 Лишь слабых век забвением казнит.
 Я знаю вашу смелость, дорогие!

4

Пусть будет каждый стоек и упорен,
 Спорится пусть ваш благородный труд.
 Из малого зерна миллионы зерен
 Рождаются, когда их берегут.
 Влюбленные в ростки всего живого,
 Мы будем молоды и до ста лет.
 А если жить нам меньше, — скажем снова:
 Да здравствует бессмертной мысли свет!

5

Поэт сказал: всех человек сильнее¹,
 Всему хозяин — он. И прав он был!
 Хочу, чтоб песни жили не старея,

¹ Имеется в виду знаменитое четверостишие Константина Иванова:

Нет сильнее человека
 В целом мире никого:
 Он — хозяин здесь от века,
 Суша, воды — все его!

(1908)

Чтоб голос песни жизнь мою продлил.
Кто жил в трудах, того запомнят люди.
Ведь поле нашей жизни широко,
А счастье не дается нам легко,
Его трудом упорным мы добудем!

6

Одна нам жизнь дана на белом свете,
И смерть одна наступит в свой черед;
Седым отцам придут на смену дети,
Иное поколение придет.
И мы пойдем навстречу испытаньям,
Пока еще наш смертный час далек.
Без горечи и сладкое не впрок, —
Дорогу шире радостным дерзаньям!

7

И если жизнь несется вдаль потоком,
Ты будешь воду быструю беречь.
Ты скажешь: в русле вечном и глубоком
Всем речкам быть, как медленно ни течь!
Уйдем мы все когда-нибудь из жизни,
Но как прекрасны наши времена!
Плыви! Пусть дальше мчит тебя волна,
Пока не все ты сделал для отчизны!

8

Так мало лет, так много пронеслось!
Так велики свершенья и победы!
То, что нам за год увидеть пришлось,
За целый век не увидали деды.

Шатается повсюду старый строй,
И сколько в щепки разлетелось тронов!
Как обновился лик земли зеленой,
Как воздух чист в стране моей родной!

9

Две революции нас воспитали.
Жизнь началась в романовской тюрьме.
Пока мы подрастали и мужали,
Был свергнут царь, и рассвело во тьме.
Теперь наш компас каждодневный — Ленин!
Светлее солнца помыслы его.
Ты, юноша, равняйся на того,
Кто стал живым примером поколениям!

10

Что б ни было у сверстника в руках —
Кронциркуль, карта иль перо поэта, —
Всегда я помню о моих друзьях,
О людях трудовых Страны Советов.
Я с вами! Вы герои наших дней!
Когда ж поставлю вам я угошенье?
Когда придете вновь в свое селенье?
Гляжу напрасно в даль родных полей.

11

Счастливого пути вам пожелаю!
Нет! Мой осенний пир не одинок.
Все, чем дышу, о чем в стихах мечтаю,
Дарю я тем, кто ныне так далек!

И если это слово вас согрело,
Внушая смелость и любовь к труду, —
Тогда не зря я разговор веду,
Тогда не зря душа моя горела!

1932

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ¹

Заветный есть для чуваша
На Украине уголок.
Давно к нему рвалась душа,
Но путь был труден и далек...

Вонзились в небо тополя.
Могила скромная в саду.
Уходит враг, топча поля.
Я с ротой вслед за ним иду.

В короткий передышки миг
Я посетил безлюдный сад
И к насыпи простой приник,
Где спит мой вдохновенный брат.

Родимый! С волжских берегов
От светлой родины, в борьбе
Услышавшей твой ясный зов,
Передаю поклон тебе.

Прости: не смог у очага
Тебя я медом помянуть.

¹ М. Сеспель умер и похоронен на Украине.

На запад, в сторону врага,
Три выстрела— и снова в путь. . .

Священна Украина-мать:
Грудь Сеспелю дала она.
Пока земля не спасена,
Мой меч не будет ножен знать!

1943

МЕЖ ВЕЛИКИХ МОРЕЙ

Меж великих морей
Распростерлась держава —
Гордость мирных людей,
Их опора и слава.

Зорко глядя вперед,
Побеждая и строя,
Наш советский народ
Стал народом героев.

Защищен мирный труд
На земле и на море.
До зари не сомкнут
Глаз матросы в дозоре.

Чтит советский моряк
Тех, кто выполнил долг свой,
Кто в суровых боях
Не ронял чести флотской.

В каждом нашем порту
Всем матросам известны —
Ленинград, Порт-Артур,
Севастополь, Одесса...

Сталин нас посетил —
Посетил Черноморье,
И моряк не забыл
Теплоты в его взоре,

Не забыть его слов
Про моряцкую дружбу.
Он матросов-орлов
Похвалил за их службу.

Согревая сердца,
Он шутил и смеялся,
И роднее отца
Черноморцам казался...

Море синее в штиль
Словно ворот матроски.
Грудью флот защитил
Труд народа геройский.

На земле, на воде
И на небе — по праву —
Заслужили везде
Мы великую славу.

Планов шире, смелей
Нет и не было в жизни! . .
С боевых кораблей
Льется песнь об отчизне!

1951



Я ЖИВУ В РОССИИ

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,

И волосы мои — не лен,
И сердцем я чуваш и речью.
Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы,
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы!

1952

ПОБЕДА

Путь к победе рука указала,
Вдаль простертая с броневика.
Имя Ленина мы записали,
Записали в сердцах на века.

Под Царицыном в стужу и голод
Враг пытался нас взять с головой,
С нами был, и бесстрашен и молод,
Первый ленинец — Сталин родной.

Был он с нами, сражались мы вместе,
Светлой родине нашей служа;
Чуваши клялись клятвою чести —
Ели корочку хлеба с ножа¹.

Пусть созвездья огней не блистали
Ни на Волхове, ни на Днестре
И руда не была еще сталью,
Что таилась в Магнитной горе,

¹ Одна из форм чувашской клятвы — съесть кусок хлеба с острия ножа, сабли и т. п.

Мы не строили новых заводов,
Котлованов не рыли для стен,
Не был сказочной явью народной
И московский метрополитен, —

Но победа была уже с нами,
Как разящая метко стрела.
Вспомним, друг мой, над Волгою пламя,
Где победа нас в битвы вела!

Ведь не даром же снова и снова
Повторяют народы стократ
Легендарное, грозное слово,
Удивившее мир, — Сталинград!

С днями многое сгладится, минет, —
Нашей жизни скамья широка¹,
Но в душе никогда не остынет
Гнев твой праведный, Волга-река.

Мне подумать, товарищи, в радость:
Переживши двухтысячный год,
Может, старый герой Сталинграда
Речь о наших делах поведет.

«Чем же, — спросят его, — одолели
Вражью силу родные полки?
Ведь враги, они тоже имели
Танки, пушки, гранаты, штыки...»

¹ Чувашская поговорка.

«Да, нам тяжело бывало, — он скажет, —
Но мы верили в правду свою,
И та вера великая наша
Прибавляла нам силы в бою!»

Будь же славен ты, в веке двадцатом
Все отдавший отчизне сполна,
Про тебя, ветерана-солдата,
Не забудет родная страна.

Славься, мой соармеец-ровесник!
Может, где-то в окопе сыром
О тебе я писал мою песню
Заржавелым походным пером.

Мы и долю суровую нашу
Разделили с тобой пополам,
Вместе ели солдатскую кашу
Общей ложкой одной по уграм;

Вместе ночью, одетые мраком,
Не смыкали натруженных глаз
И чуть свет поднимались в атаку
По сигналу в назначенный час...

Славный, старый герой Сталинграда!
Ты ль победу в лицо не знавал?
Шла с тобою всегда она рядом
По дорогам, где ты воевал.

Боевыми знаменами рея,
Завершая свой трудный поход,

Шла победа от Волги до Шпрее,
Неустанно стремилась вперед.

Шли с победой бойцы, командиры,
Пробиваясь сквозь пламя и сталь,
Чтобы знамя свободы и мира
Водрузить на разбитый рейхстаг.

Вставши ныне на мирную вахту,
Люди светлой отчизны моей
Жарко трудятся в угольных шахтах
И в просторах колхозных полей.

И чтоб Волга дородней и шире,
Полноводней и глубже была,
Совершаются ныне большие
И на матушке Волге дела.

Засверкает приволжская наша
Золотыми огнями земля,
Станут трижды богаче и краше
Чебоксары, Каңаш, Шумерля¹.

Расцветай же во славу отчизны
Ты, лесная моя сторона!
Наша стройка — Дворец коммунизма,
И вершина его нам видна.

1951

¹ Промышленные центры Чувашии.

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

Я с теми был, чье имя — сталинградцы
Я был звеном в той сомкнутой цепи,
Которой вышла доля — насмерть драться
И победить в заснеженной степи.

Мела метель, свистя над головами,
Все замерзало — хлеб, консервы, щи...
Газета принесла нам: «Киров с нами» —
Из города, зажатого в клещи.

Окопы стали вдруг теплей и краше
От Вашего, дошедшего к нам в срок,
Стоического мужества, от Ваших
Железной поступью прошедших строк.

Все — русские, узбеки и чувашаи,
Грузины и татары — вновь и вновь
Почувствовали мы к России нашей
Безмерную сыновнюю любовь.

А Ваш правдивый стих, под гром снарядов,
В цепи солдатской, не боясь преград,
На Волгу шел, на помощь Сталинграду,
Чтоб на Неве воспрянул Ленинград.

1946

ЧЕРНОМУ МОРЮ

Спокойна погода иль бури размах —
Звени, моя песнь, на высоких волнах!

О Черное море! Увидел и я
Далекой мечты золотые края.

Что знал я? Шум леса, лачуг горький дым.
Весь мир за околицей был мне чужим.

Теперь мне от моря до моря дана
Родная и милая сердцу страна.

Волнуйся, о море! Бушующий вал
О прошлом и будущем мне рассказал.

В легендах, и сказках, и в песнях певцов
Давно я услышал неясный твой зов.

В извечно мятежных волнах узнаю
Слез наших скитальческих, горьких струю.

Бросая политые потом поля,
Оглушшего бога о счастье моля,

Горсть отчей земли завернувши в тряпье,
Теря свой облик и имя свое,

В Туретчину с Волги чуваш уходил,
Да в полымя он из огня угодил!

Бежал он, а парус, белеющий здесь,
Его волновал, как о родине весть.

Бежал — у стамбульских неласковых стен
Страдания нового ждал его плен.

Бежал, но «салам!» журавлиной весной
Кричал со слезами он Волге родной. . .

Волнуйся, о море! Не пасынок я,
Лишь берег советский — отчизна моя.

Я славлю его, этот берег крутой,
Лишь здесь вдохновения вольный прибор,

Лишь здесь равноправен мой голос, мой стих.
Что, море, просить у тебя в этот миг?

Богатство, покой? Не нужны мне они!
Ты трепет сердечный во мне сохрани,

Не дай очерстветь и остыть мне душой. . .
Волнуйся, о море, пой песню со мной!

УГОЛОК В ЯЛТЕ

Я был здесь восемь лет назад...
Все то же море, тот же сад.
Но тем печальнее руины —
Следы всем памятной години.
Лишь сохранился кипарис,
Пред кем мы в дружбе поклялись,
Кого мы каждый день приветом
Встречали с молодым поэтом.

Народа братского певец
Нашел безвременный конец:
Он смертью храбрых пал на Висле.
Но чувства жаркие, но мысли —
Они не умерли с ним, нет!
Я новый дам им жар и свет.
Так павшего оружие воин
Берет и продолжает бой он
До дня победы — вновь и вновь
За жизнь, за дружбу, за любовь...

Пусть кипарис остроконечный
Твердит о жизни быстротечной,
О юности ушедшей мне, —
Нет, нет, не верю старине!

Он сам себе противоречит:
Зеленый, как при первой встрече,
Стоит, годами умудрен,
Как некий летописец он,
Спокойно и невозмутимо.
А жизнь, шумя, проходит мимо...

1948

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

На горизонте дразнится зарница.
Над морем золотой, тяжелый зной.
Дельфинов стая вдалеке резвится.
Проходят тучи — будто стороной,
Но в них всегда заряды грозовые.
Стою замороженный; как во сне,
Шепчу: «Прощай, свободная стихия!»
И море словно отвечает мне.

Я знаю, что здесь буду не однажды,
Волненья и надежды не тая.
С какой неутолимой, вечной жаждой
Стремится сердце в южные края!
Оно всегда здесь вдохновенья полно,
Здесь хочется мечтать, дерзать, творить.
Поэзии сродни вот эти волны.
О, как мне вас сейчас благодарить!

Люблю тебя я, солнечное море,
Люблю твою бескрайнюю лазурь,
Люблю твое затишье на просторе,
Люблю прибой песни, схватки бурь.
Вот волны, перекатываясь, мчатся —
Зелено-сине-черный хоровод, —

Бегут ко мне как будто попроситься.
Девятый вал гремит, грохочет, бьет.
Порыв могучий штормы воскресили:
Мятежный, с непокрытой головой,
Он встал, пророк воспрянувшей России,
В обветренной крылатке предо мной.
Прошло сто лет. Я, человек свободный,
Не знаю ни гоненья, ни цепей.
Мой голос над пучиной многоводной
Хвалу возносит родине моей.

И по каким бы я морям ни плавал,
Люблю тебя везде, люблю всегда,
Мое дыханье, жизнь моя и слава —
Отчизна братства, счастья и труда!

1927

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

Плачь, муза, плачь. . .

А. Пушкин

Как хотел бы в тебя я взглядеться!
Не увидеться нам никогда. . .
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Не сотрут образ ясный года.

Твой народ, окрыленный свободой,
Воскресит тебя в песнях не раз.
Капля каждая крови народной
Превратится в бесценный алмаз.

Твой призыв через горы нам слышен,
Здесь не счесть побратимов твоих.
Окровавленным знаменем — выше
Подыму я последний твой стих. . .

Муза, плачь! Видеть больно и горько,
Как истерзан певец молодой.
Плачь и к мести зови ты за Лорку,
Непокорную песню запой.

Ты увидела слезы ребенка,
Матерей ты слышала плач.
Рядом с ними бездушно и громко
Хохотал инквизитор-палач.

Обещены девушки, вдовы,
И к отмщенью взывает весь край...
Муза, голосом Лорки живого
Ты народ на борьбу поднимай!

Жив поэт! Пусть под гнетом Гренада,
Все равно его песня слышна.
Память родины — лучшей наградой,
Долговечнее бронзы она...

Как хотел бы в тебя я взглядеться!
Оборвались в бою твои дни...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Песнетворец, солдат, гражданин!

1936

КИЕВСКИМ КАШТАНАМ

Каштаны киевские! Вы воспеты
На всех, наверно, языках у нас,
И вас уже не удивят поэты.
Что делать мне, коль здесь я первый раз?

Что делать мне, коль в середине лета
Пришел я к вам и не застал на вас
Ни свеч, ни их чарующего света?
Цветы осыпались — и свет погас.

Но мне светило дружбы жаркой пламя —
И все как будто снова зацвело,
Все трепетало, пело и влекло:
Бульвар, и пляж, и звезды над волнами,
Веселый смех, прибрежная лоза
И карие — с хитринкою — глаза!

1952

ПАВЛО ТЫЧИНЕ

В секстинах стремительных, в строгих терцинах
Доходит Ваш голос до нас.
Мы чувствуем локоть поэта Тычины,
И песней звучит нам приказ.

Пылают сады, от музеев — руины. . .
Но, что бы ни видел мой глаз,
Бессмертна в единой семье Украина
И вечен в ней песен запас.

Пусть гарью и кровью заря запеклась,
«Твой пепел стучит в мое сердце, Клаас!» —
То голос Ваш гневный, призывный.
И мать, кем был вскормлен великий Тарас,
Почуяла в Ваших словах в скорбный час
Объятия верного сына.

1944

У АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Украинские троянды-розы,
Груши и черешни... и одна
Молодая, тонкая береза.
Кем же здесь посажена она?

Пионер какого был отряда
Тот, что позаботился, принес
К изголовью воина наградой
Арзамасский шум родных берез?..

Память мне Гайдара сохранила:
Под шинелью скромною бойца
Что-то вечно детское в нем было,
Что присуще истинным творцам.

Это чувство, не дробя на части,
В чистоте первичной сохранить —
Для художника большое счастье!
Не оно ли — к детским душам нить?

1952

ЛАТВИЙСКИЕ СТИХИ

1. СТАРАЯ РОДНЯ

С каждым часом воздух невесомей.
Море подошло вплотную к саду.
Говорят, в старинном этом доме
Гончаров писал «Фрегат Палладу».

Имя Гончарова сохранила
И поныне улица на взморье.
С ним не радость латышей роднила,
А суровое сближало горе.

Таял снег, и наливался колос.
Штиль сменяли яростные бури.
Рушились престолы. Правды голос
Не смолкал в большой литературе.

Лиелупе¹ раннею могилой
Писарева стала молодого.
Но звучит с проникновенной силой
В наши дни его живое слово.

Под звездою братства путеводной
Слышится все громче год от году
Благодарность Латвии свободной
Русскому великому народу.

¹ Лиелупе — река в Латвии.

2. РЫБАК

Осенний хмурый день. Еще один бросок —
И лодка тяжело в песок уткнется с ходу.
Вот якорная цепь, гремя, сползает в воду.
Рыбак не торопясь выходит на песок.
От пота и дождя он до костей промок,
Но презирать привык ненастную погоду.
Над мокрой курткой пар клубится, как дымок.
А тучи без конца плывут по небосводу.
Он в море поглядел и молча закурил:
Не то он укорял, не то благодарил
Соленую волну, не говоря ни слова...
А шлюпка полная кренилась все сильнеей.
Сияло на свету и шевелилось в ней
Живое серебро артельного улова.

3. ЯНТАРНЫЙ СТИХ

И песок такой янтарный,
И янтарная вода,
И в янтарном бродят парно
Здесь влюбленные всегда.

И, желтея, тает, тает
Небо цвета янтаря.
Знать, янтарной называют
Латыши страну не зря.

Янтарем играет пиво.
Обмочив янтарный ус,
Говорит хозяин: — Диво!
Вы попробуйте на вкус!..

Я хозяину с почтеньем
Отвечаю: — Гость я ваш.
Но слывет первостатейным
Пивоваром и чуваш.

А на дне янтарной кружки
Видел я одни глаза,
Видел косы цвета стружки
И ни слова не сказал..

Всюду небо голубое
И янтарный солнца свет.
Но во всем искать родное
Любо мне на склоне лет.

4. ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Гуси-лебеди летят на юг,
Черного ни одного: все белы.
Залетев в Чувашию мою,
Стая будет у сырых, замшелых
Берегов искать себе приют,
И услышит, как у нас поют,
И увидит девушку, быть может,
Что на лебедь черную похожа.
Помнит обо мне она иль нет?
Лебеди! Я не забыл... возьмите
На крыло на каждое привет,
Только в море — ах! — не уроните...

5. ТОСКА ПО ДОМУ

Отлогий берег с соснами густыми,
Песок сыпучий, как у нас в Елыме ¹.
Стволы скрипят и стонут на ветру,
Как в Кошлаушском вековом бору.

Живые волны плещут на просторе.
Весь день шумит, не умолкая, море.
Ты, лежа на песке, глаза прикрой —
И песню Волги запоет прибой.

Тебя тоска по дому обуяла.
Ты в чайке видишь девушку Вирьяла ².
Любя свою отчизну, человек
Повсюду слышит шум родимых рек.

С оружием в руках пришлось нам драться,
Чтоб отстоять республик наших братство.
Теперь все эти вольные края —
Отчизна необъятная твоя.

¹ Е л ы м — левый берег Волги.

² В и р ь я л — часть Чувашии, где девушки носят белые платья и черные чулки.

6. РАКОВИНА

Раковину, звонкую, витую,
Друг мне подарил на берегу.
Море вспоминая зачастую,
Я подарок друга берегу.

Если вдруг по морю затоскую
Здесь, в родной чувашской стороне,
Раковину я возьму морскую,
И оно приблизится ко мне.

Прижимая раковину к уху,
Слышу нарастающий прибой.
Пенные валы рокочут глухо,
Закипая в бездне голубой.

Слышу я шипенье пены зыбкой,
Вольной чайки приглушенный крик.
Голос друга и его улыбка
Оживают в памяти на миг.

Может быть, и он в часы досуга
Раковину звонкую берет,
Ропот моря, дальний голос друга
Пожелав услышать в свой черед.

Раковину к уху он приложит
И, ловя мой отдаленный зов,
Чутким сердцем ощутит, быть может,
Трепет недописанных стихов.

7. ЩЕПКА

Вот она — гладка, блестяща.
Думал — камень, тронул — нет:
Просто щепка. Превращенью,
Может, будет тыщи лет.

Может, мачтой корабельной
Иль веслом была она.
Стала круглой, малой, словно
Прясло для веретена.

Где-то в омуте соленом,
Вся зализана волной,
Щепка сжалась, затвердела,
Ныне — брошена под зной.

Коль вот так, случайно, люди
В миллионах слов людских
И мое заметят слово, —
Я не зря гранил мой стих.

1947

В МЕТРО

Был час недолгой тишины.
Мозаику смотрел в метро я...
Живая летопись страны,
Народа русского герои.

Там Невского я узнаю,
Тут вижу Дмитрия Донского,
Здесь встать за родину свою
Пожарский с Мининым готовы.

Суворов... Выются на ветру
Волос его седые пряди.
Помилуй бог, подъем как крут, —
Всё одолеть России ради!

А здесь Кутузов Михаил.
Штыки солдат, мужичьи вилы...
Как много мастер в труд вложил
Любви, умения и силы!

Рабочий — старый человек —
Глядел на все картины эти,
И, слезы смахивая с век,
Он как бы про себя заметил:

— И нам грозят? Нет! Ничего
На поруганье дать нельзя им!.. —
Все посмотрели на него:
Да, это он — страны хозяин.

1952



ДУБ НАД ВОЛГОЙ

Старый дуб — наш батюшка.

Чувашская народная песня

Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как фатник закаленный.

Широколиственной, могучей кроной
Еще с любым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.

Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя.

Во мне — все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я — желудь твой.

1953

ЭЛЬДИВАН

Старше не было в деревне
Эльдивана-старика.
Дед поистине был древний.
Будь земля ему легка!

Девяносто девять прожил!
Был наказ правленью дан:
Уточнить, почтить... И что же?
Взял да умер Эльдиван.

Он всегда передо мною:
Не высок, да и не мал;
Сед, с былинной бородою, —
С «русской», как он сам сказал.

Он ходил в кафтане белом
Из домашнего сукна,
В шляпе с тульей порыжелой,
Что сваляла в дар жена, —

В дар, когда еще невестой,
Может быть, ему была.
Но об этом здесь не место,
То — семейные дела...

Эльдиван был вечный сторож
Полевой; в селе народ
И прозвал его в ту пору
«Эльдиваном у ворот».

Так и жил в мирской избушке
У ворот он полевых,
Жил один, жены-старушки
Не застал уж я в живых.

На жнитво ль кто выезжает,
В лес ли тащится фургон —
Всех бывало провожает
Эльдиван, отдав поклон.

Всадник, женщина ль простая,
Будь то свой, чужой то будь —
Всем, ворота открывая,
Говорил он: — Добрый путь!

Пусть далекие дороги
Будут близкими для вас.
Возвращайтесь без тревоги,
Без печали, в добрый час!

А заметит мимоходом,
Что в оси слаба чека,
Дед сочтет хозяйским долгом
Стукнуть палкою слегка.

Всех приветит он с охотой.
Даже взбалмошный козел,
Проходя в его ворота,
Надо думать, не был зол...

С первым снегом и ненастьем,
Когда скот в хлевах мычал,
Эльдиван — ворота настезь,
До весны не закрывал.

Страстью давнею томимый,
Ладил он силки легко
И выслеживал всю зиму
Птиц различных да зверьков.

То хорька, то горностая
Запетлит он на гумне.
— Уж таков охотник стал я,
Даль-то нынче не по мне...

Вечерами к Эльдивану
Собирался стар и млад:
Сказки сказывал он славно,
Да и былью был богат.

Бил старик когда-то турка
За Дунаем за рекой.
Сохранилась даже трубка —
И в деревне нет такой.

Весь фарфоровый, расписан
Был чилим, как алкоран.
А чубук — из кипариса,
Так... аршина в полтора.

Дым проходит через воду,
И не горек будто он;
Все шипит, как в непогоду
Самовар, что не лужен.

Как затынется сначала
Раза два хозяин сам,
Так по всей избе бывало
Трубка ходит по рукам.

Вспомнит были-небылицы
Под дымок старик солдат.
И не то чтоб похвалиться —
Просто к слову — спеть он рад:

«Турки, турки, кверху руки!
Нас не чаяли вы здесь?
Дым клубится, пыщут трубки,
Прокурили город весь...»

Так — то шуткой, то серьезно —
Занимал старик народ.
В год, что назван был колхозным,
Помню, он пришел на сход.

Он сказал: — Настало время...
Трех царей я пережил.
Жил... Но бедности я бремя
Скинуть не набрался сил.

Не держал в руках я повод,
И старуха — что ни год —
Все вздыхала о корове...
Где там! Пес был весь мой скот.

Дом мой вечно — караулка,
Сказки — вот моя скирда.
Утешала в горе трубка,
Да и та теперь худа.

Время! Ждал я, ждал от века,
Верил: будет праздник нам.
А в колхозе человеку
Честь и слава, вижу сам.

Нам отцы твердили в поле:
«Будь-ка, парень, молодцом!
Кто заплачет здесь от боли —
Посмеется за столом».

А теперь смотреть мне дивно:
Сеют — шагу не шагнут, —
Все машиной... Жнут — и спину
Не согнут: комбайном жнут!

Да, пора... Мне жить немного...
Но велик, как видно, план:
Может, вам и я помога... —
Так сказал дед Эльдиван.

И в колхозе как-то сразу
Изменился наш старик.
Не проронит зря он фразы,
Хоть молчать и не привык.

То к колесам точит спицы,
То, глядишь, скоблит лубки,
То (в хозяйстве пригодится)
Вьет веревку из пеньки,

То на мельницу порою,
То заглянет к лошадям.
Словно все своей рукою
Хочет он ощупать сам.

С первой оттепелью мастер
Парк машинный проверял.
Старика в те дни я часто
Возле трактора встречал.

Долго, пристально глядел он,
Забывая про чилим,
Как пыхтело и гудело
Что-то властное пред ним.

И кому известно — сколько,
Может, самых горьких дум
И воспоминаний горьких
Волновало старый ум!..

Появлялся председатель:
— Как твое здоровье, дед?
Ты у нас был предсказатель.
Будем с хлебом или нет?

— Снегу сколько! Видим сами.
Надо быть, земля воздаст.
Хорошо, когда «тусями»
На полях твердеет наст...

А весной, лишь подсыхала
Ноздреватая земля,
Эльдиван кругом бывало
Обойдет пешком поля.

Шел он медленно, но твердо.
Ни полосок, ни межи,
Широка земля!.. И гордо
Думал старый: «Стоит жить!»

Вдруг не стало Эльдивана.
А о нем уж знал район.
Даже, слышно, «ветераном»
Кем-то там был назван он.

— По-солдатски хороните, —
Чтобы музыка была.
Гроб мой сами не несите, —
Чтоб машина повезла...

Так сказал старик, прощаясь,
Да еще, уже без сил,
Старикам курцам на зависть,
Трубку в гроб с собой просил.

Свят обычай: все по разу
Затянулись вслед за ним
И вернули, по приказу,
Отходящему чилим.

На шести дубовых ножках
Гроб внесли (дед сделал сам)
И, поставив у окошка,
Пошептались: — Как он там?..

А старик лежал спокойно,
Только глаз не открывал.
Не живой и не покойник —
И никак не умирал.

Голова его сползала
Ниже, ниже... То ль уснул?
Наконец, вздохнув, сказал он:
— Жаль, до ста не дотянул!

С тем и умер. Все, что было
Стариком припасено, —
Холст, белье, чулки и мыло
Чинно в хату внесено.

По обычаю обмыли
На соломе на ржаной.
Причесали, нарядили,
И лежал он как живой.

Табакком набили трубку,
Дали вышитый кисет;
Трут, кремь, огниво в руку —
И готов в путь дальний дед...

На полуторку подняли
Гроб, стараясь не качнуть.
Восемь скрипок заиграли:
«Нам сквозь звезды виден путь...»

Эту песенку солдата
Больше всех старик любил,
Сам певал ее когда-то,
Как на службу уходил.

Он говаривал, что с нею
Даль была ему не даль,
Край чужой — и тот светлее,
Умереть — и то не жаль!..

Гроб в могилу опускали.
Эльдиванов старый друг,
Музыкант Саврук, вначале
Все молчал, молчал — и вдруг

Из-за пазухи достал он
Знаменитый шибыр¹ свой
И сыграл, как встарь бывало,
Эрзерумский марш лихой.

То грозя кому-то резко,
То растягивая звук,
Выводил мотив турецкий
На чувашский лад Саврук.

Чтоб иметь секундный роздых,
Музыкант поколдовал:
Как подбросит шибыр в воздух, —
Тот и в воздухе играл...

Гроб в могиле. Повздыхали.
Каждый бросил горсть земли.
Насыпь крепко трамбовали,
Чтоб солдата дождь не злил.

Напоследок, время выждав,
Глядя в землю, дед Саврук
Обошел могилу трижды,
Совершив по солнцу круг.

Он сказал: — И кость и тело —
Это все теперь сгниет.
Лишь бы имя не истлело,
А оно — переживет...

¹ Ш и б ы р — музыкальный инструмент из бычьего пузыря, род волынки.

Да, старик не зря работал
И не зря прошли года.
«Эльдивановы ворота»
Не забуду никогда.

1939

ДЖАМБУЛ

Струны под рукой еще звучали. . .
Я тогда же понял, между строк,
Что величье это к нам едва ли
Переводчик донести бы смог.

Он вставал в степи, в небесной раме,
Пестун слова — мудрый и простой.
Жеребят он сравнивал с бобрами
И конем гордился, как домброй.

Как постичь большое это сердце,
Если, и столетнее, оно
Посылало песню в дар гвардейцам,
Их священным гневом зажжено?

Как в любви сыновней не признаться,
Если дома иль в степи, верхом,
Называл детьми он ленинградцев
И катились слезы за стихом? . .

1948

БАКЕН

Когда плывешь по Волге в час ночной,
Скрывается и вспыхивает снова
На черной глади зеркала речного
Неяркий свет. Он словно глаз живой.

Над Волгой тьма сгущается сурово,
Но, сумрачной колеблемый волной,
Не меркнет огонек над быстринной,
Во мраке ободряя рулевого.

Не каждому дано быть маяком,
Несущим в море свет свой благородный.
Желал бы я хоть малым огоньком
Светить над нашей ширью полноводной.
Как друг, он рулевому говорит:
— Горю, не гасну. Путь вперед открыт!

1949

СКУЛЬПТОРУ

Чем чаще я бываю у тебя,
Тем мне ясней: народ — вот суд наш строгий!
Чем больше радуюсь, твой труд любя,
Тем мне стыдней... за собственные строки.

Вот у тебя рабочий, вот солдат,
Студент, матрос, колхозница простая...
Их лица мне так много говорят,
Так ясно все, что я на них читаю.

Здесь и поэт, что нашей стал судьбой,
Он вечно юн, проживший век недолгий.
Ему не место в тесной мастерской —
И вот он, бронзовый, стоит над Волгой¹.

Идея — плоть, порыв — душа труда.
Они в художнике неразделимы.

Пусть будут и мои стихи всегда,
Как бронза, осязаемы и зримы.

1952

¹ Имеется в виду памятник поэту Константину Иванову.

НА СОРЕВНОВАНИЕ

В дубленых шубах восседают
Мои сельчане битый час
И с агрономом обсуждают,
Где что посеять в этот раз.

Их жесты важны и небыстры, —
Вот развернули план полей
И со вниманьем, как министры,
Рассматривают на столе.

— Вот здесь посеем мы пшеницу, —
В бумагу тычет бригадир. —
А здесь овес иль чечевицу...
А это — травам отдадим...

— А за Инчой, выходит, дядя,
Опять поля под пар пойдут?..
— Нет, это все не так! — не глядя,
Замегил агротехник тут.

Покуривая трубки, долго
Молчит и думает народ:
«Да, это, братец, не трехполка,
А новый севооборот!»

Пришла как раз и вестъ с Алтая, —
Там соревнуются подряд
За полноценность урожая,
Аж небу жарко, говорят!

И у соседнего района
Дела не виснут на руках.
— А нам-то отставать резонно?
Мы ж сиктерминцы¹ как-никак!

Пусть лучше вдосталь не поспится,
Ведь гордость у любого есть.
А чем же станем мы гордиться,
Коль замараем нашу честь?

Работай летом без отдышки
Дружней с зари и до зари.
Потрудишься, так будут пышки,
А нет — уж сам себя кори!

— Я тридцать центнеров сняла бы, —
Сказала девушка, — да вот
Не знаю, как мне быть с Палагой...
Она, пожалуй, подведет!

Мне Веру с Аней бы в бригаду,
Они прилежные к труду,
Ловки вязать и жать, коль надо,
С такими я не пропаду.

— На Феклу на Курак в газете
Всн тоже критика была...

¹ Сиктерма — название родного села автора.

— Ну что ж, ей впрок уроки эти,
Не посрамит теперь села!..

Так, полно твердого желанья
Жить вместе с родиной светло,
Выходит на соревнованье
Мое колхозное село.

1948

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВЕСНА

Февраль гудел в лесу и в поле,
Бросался снегом во дворе.
Он бушевал не оттого ли,
Что было тихо в январе?

Но власть зимы, буйнки хмурой,
Укоротил пришедший март:
Уж там и сям кудахчут куры
И утки крикают: «нарт, нарт».

Скребницей конюх чистит Чалку,
С забора, скрадом, под шумок
Косится хитрым глазом галка,
Стащить желая шерсти клок.

Набивши на колеса шины,
Толкуют кузнецы: — Ну, вот...
Рыдван был рухлядью паршивой,
А стал теперь — железный ход!

Есть плуг и конь у нас железный,
Не будем знаться мы с бедой, —
Достаточно земли полезной
В войну спозналось с лебедой!

Про сотню дел не забывая,
Не знает председатель сна:
Он то в конюшне побывает,
То сам проверит семена.

С собранья вечером шагая,
Толкует меж собой народ:
— Нам для уборки урожая
Комбайн бы надо, самоход!

Готовя парники и вкусный
Вдыхая предвесенний дух,
О выставке о всесоюзной
Мечтает огородник вслух.

Ведь у него всегда на редкость
Родится дыня-ананас,
А лук попробуешь иль редьку —
Так искры сыплются из глаз.

Иль помидоры взять — к примеру —
Красней, чем зоб у снегиря!
Арбузы, тыква по размерам
Что голова богатыря.

Цветной капустой, чесноком он
Колхоз хоть завалить готов,
А также новых, незнакомых
Немало вырастит плодов. . .

Теплей и мягче воздух гулкий,
С крыш убирают снег кругом.
Блестят на солнце в переулке
Сосульки мокрым серебром.

Чернеет снег дороги вмятой,
Близка весна... Зиме капут.
Вот скоро матери ребятам
Пичужек разных напекут.

И мальчуганы, необычной
Стремясь достигнуть высоты,
Начнут бросать птенцов пшеничных,
Кричать до полной хрипоты:

— Эй, голубь, голубь, выше взвейся,
Лети во все, во все концы!
Пусть прилетят с тобою вместе
Назавтра к нам в колхоз скворцы.

Вот слышно, дятел громко где-то
Стучится в крепкую сосну.
Мальчишка шустрый, сын соседа,
Давно почуявший весну,

Залез на дерево поспешно,
Как акробат, одним рывком.
Он чинит ветхую скворешню,
Стуча проворно молотком.

А дед гадает по приметам:
— В мороз на окнах коль узор,
Да снег большой, да дождик летом,
Так урожай придет на двор!

Но молодежь не верит притчам
И не сидит зимой в углу,
Она помет собирает птичий,
Золу собирает по селу.

Вот так сейчас в колхозе нашем,
Изжив извечную нужду,
Семьею дружною чувашин
Опять готовится к труду.

Так снова юным пионером,
Надежд и радостей полна,
Идет путями новой эры
К нам тридцать первая весна.

1948

КОВШ ДРУЖБЫ

Другу-поэту

Мелкий дождь — «медвежьи слюнки»
Назван он в краю лесном.
Выпьем, что ли, друг, по рюмке?
Сядь, укрась мой стол и дом.

В очаге огонь пылает,
А к огню кувшин придет.
Брага пенистая, злая
Не один бродила год.

И картошке будет место
Под горячею золой.
Вспомним лес, костер и детство
Да ночное под луной.

Где-то там в трубе над крышей
Ветры воют, голоса.
Мы их слышим и не слышим,
Лишь застольные звенят.

Песне в лад — простой и мудрой —
Веселей трещат дрова,

Догорят, и жар под утро
Будет тлеть едва-едва.

Говорят — и мы здесь гости:
Наше счастье, скорбь, любовь
Горстью пепла, праха горстью
Возвратится в землю вновь.

Говорят... А мы не будем
Разговорам всем внимать.
Мы с тобою добрым людям
Будем песни сочинять.

Только песня долговечней,
Коль с душою запоешь.
Будь здоров, мой друг сердечный,
Возврати пустым мне ковш!

Проведем каргу с косою, —
Табаку в глазницы ей!
Пусть ни летом, ни зимою
Не сыскать ей к нам путей...

Мелкий дождь — «медвежьи слюнки» —
Брызжет, брызжет день и ночь.
Громче песни! Прочь все думки!
Прочь тоска! Сомненье прочь!

1935

ПОСЛЕДНИЙ

Как все предки в скромном роде
Карандаевом, Матвей
Век известен был в народе
Под фамилией своей.

Жил, пахал свой клин... Когда же
Встал народ на путь иной,
Чуть фамилии он даже
Не лишился коренной.

Было все село в колхозе,
И поди-ка — разгадай,
Почему с сохой елозил
В одиночку Карандай.

Из района приезжали
И из центра. Сколько раз
На собраниях убеждали:
Отстаешь, мол, ты от масс!

Так иль этак — ежегодно
Среди ста дворов с тех пор
Кляксой в ведомости сводной
Был один Матвея двор.

Счетовод бывало колет:
— С головою чуваша
Врозь с народом жить легко ли,
Одинокая душа?

Что ж, отдельный список долго
На тебя писать, скажи?
— Подожду... Что в спешке толку?
Чай, колхоз не убежит...

Шла родня к нему с укором:
— Ты роняешь рода честь,
Чтоб тебя сразило мором!
Погляди — какой ты есть!

Сесть за стол с тобою стыдно,
Ты хиреешь с каждым днем,
Обнищал совсем, как видно,
А гляди, как мы живем!

Отвечал Матвей, не споря:
— Так-то так... доход плохой... —
Но царапал так же — с горя —
Землю собственной сохой.

Председатель с речью пылкой
Сам пришел: вступай, мол, друг!
А Матвей чесал в затылке:
— Надо б, только недосуг...

А не то и огрызнется:
— Дайте жить мне самому!
Как оно там обернется —
Не известно никому...

— Как? Да так же! Скоро двадцать
Лет колхозу. В день родин
Юбилей у нас справляться
Будет, брат, а ты — один!..

— Да, пока один... А что же?
Ну, как если — врозь колхоз?..
— А! Так ты подкладыш¹, может? —
Кто-то едко произнес.

Слово накрепко пристало,
Точно клещ, — не оторвать!
Вся с тех пор деревня стала
Так Матвея называть.

Повторять не нужно дважды:
— Кто? Матвей? Какой-такой? —
Вмиг тебе ответит каждый:
— Да Подкладыш, кто ж другой?

И в чужом селе (ведь надо ж!)
Кто-то раз слышал вопрос:
— Что ты, как Матвей Подкладыш?
Недосуг вступить в колхоз?

«Карандая» все забыли,
Словно тот и не бывал.
Так под кличкой, без фамильи
Наш Матвей и проживал.

¹ Яйцо, которое кладут в гнездо курицы, чтобы она не
неслась в другом месте.

А старуха страсть серчала —
У нее характер крут.
— Срам! Подкладыш-то, — кричала, —
Ведь под курицу кладут!

Без того они с супругом
В жизни ладили с трудом,
А теперь пошло все кругом,
Будто вихрь ворвался в дом.

— Жить не стану! — заявила. —
Баста! Маюсь сорок лет!
Без людей мне жизнь постыла,
А в колхоз прошусь — так нет!

Ведь подкладыш-то под клушкой,
Глядь, и станет болтуном,
Он не стоит и полушки,
Стыд, позор, как мы живем.

Вот дожدهшься — станут люди
И Подкурицыным звать.
То-то с новой кличкой будет
Знатно жить да поживать!

И сама — за дверь. По коже
Старика подрал мороз.
А она кричит: — Назло же,
Так и знай, — вступлю в колхоз!

У соседей заявленье
Написал парнишка ей,

И пошла она в правленьё
Тут же с просьбою своей...

Без костей язык, что ж делаты!
Как накаркала она,
Словно в воду поглядела
Карандаева жена:

Все сбылось ведь! И недели
Не прошло с той ссоры, глядь,
Уж Матвея в самом деле
Новой кличкой стали звать.

Человек словечко бросит,
А оно — ножа острей:
— Чей Матвей? — бывало спросят.
— Да Подкурицын Матвей...

От своих-то по привычке
Он стерпел бы как-нибудь,
Да чужие хлесткой кличкой
Тоже любят козырнуть.

Вдруг — нет-нет — и скажет кто-то:
— Видно, били не до слез,
Что спешишь ты на работу,
Как Подкурицын в колхоз...

Может, наш единоличник
Так и прожил бы свой срок
С этой кличкой неприличной,
Если б случай не помог.

К юбилейному веселью
По колхозу «Амарду»¹
Уж с утра блины шипели
Шириной в сковороду.

Пива свежего старухи
Нацедили. Старики
Наварили медовухи
Всяким нормам вопреки.

Ведь не зря ж почти неделю
Все они кряхтели днем,
И комбайн иным с похмелья
Представлялся кораблем...

В день веселый юбилея
Вдруг явился кум Максим.
— Приходи к нам, кум! — Матвея
Он на праздник пригласил.

Тот в ответ: — Нет! Скажут люди —
На готовое пришел.
Не проси. Неладно будет.
Попрекнут. Нехорошо.

— Председатель сам ведь просит.
Будь спокоен, кум, вполне!
— Если так... Нет, лучше спросим,
Что старуха скажет мне?

— Прибери себя хоть малость, —
Говорит жена ему. —

¹ «Соревнование».

Борода-то вся свалялась!
Зубы скалить ни к чему.

Грязь-то смой! Возьми вон мыло,
«Ландыш»... жаль, да так и быть:
Чтоб людей не стыдно было... —
И пошла, пошла костить!..

К юбилею все готово
У колхоза «Амарду».
Говор, смех стоит в плодовом
Молодом, густом саду.

Сад под солнцем свеж и пышен,
Сливы, яблоки видны,
Ветви сплошь красны от вишен,
От смородины черны.

По-над речкою — питомник,
На пригорке ж, знай, гремит
Мощный радиоприемник,
А кругом народ стоит.

Не один здесь стол сколочен,
И скамьи вокруг столов;
Мясом пахнет — нету мочи:
Мол, садись, обед готов!

Два бочонка друг за дружкой
Старики вкатили в сад,
И фарфоровые кружки
Стройно выстроились в ряд.

Стал налаживать скрипицу
Дед — скрипач и пчеловод.
Встали в круг певцы, певицы,
Приумолкнув, ждет народ.

Председатель, парень бравый,
Держит речь. Хоть юн на вид,
А военный орден «Славы»
На груди его блестит.

— ...Мы хозяйствуем артелью
Двадцать лет уж! Не шути!
Продвигаемся мы к цели
По научному пути...

Вновь напомнить — пользы ради —
Кой-кому я здесь хочу:
С чем один не в силах сладить,
То народу по плечу...

— А толков наш председатель,
Как-никак башка варит!
И тебя поддел он кстати! —
Кум Матвею говорит.

Тот поскреб рукою темя:
— Поздно я взялся за ум! —
А Максим: — Еще есть время
Все исправить. — Ой ли, кум?

— Будь здоров! — Максим солидно
Произнес. — Спасибо, пей!
— Нынче ты в читальню, видно,
Не заходишь, кум Матвей?

А в газетах пишут: в Польше
И в Болгарии вперед
Жизнь идет, артелей больше
С каждым днем. Растет народ!

Ты смекни: земля навечно
Нам дана. В стране своей
Мы ведь сила, друг сердечный!..
Будь здоров! — Спасибо, пей!..

Прогодал. Моя ошибка.
Сам себе испортил жизнь.
Вы идете больно быстро, —
Как догнать? Хоть в гроб ложись!..

— Коли хочешь, вмиг, без шума!..
Дайте слово!.. Кум тут мой
К нам в колхоз вступить надумал
Тоже, следом за женой!..

— Что ж, пусть пишет заявленье, —
Председатель подмигнул, —
Не открыть же тут нам пренья! —
И хитро на всех взглянул.

— Может, коль народ не против,
Здесь решим? А то пока
Суд да дело, — все он вроде
Холостого гусака!

Толк старуха локтем мужа:
— Сам скажи! Все вас учить!
Или прозвище похуже
Захотелось получить?

Тот откашлялся. — Сам знаю —
Не на месяц, не на год
Опоздал я, но желаю
Нынче жить как весь народ.

Все сказал я без утайки,
Мой недолог разговор:
От сохи-то попросайки
Только слезы да позор.

А в колхозе дело справит
На картошке и она...
А бумагу кум составит,
Завтра ж будет подана...

Счетовод меж тем мальчишку
Подозвал и под шумок
Зашептал: — Лупи, братишка,
К телефону со всех ног!

Дозвонись в район... Момента
Не теряй, брат, по пути!
Передай, что сто процентов
В «Амарду» теперь... Лети!

Да... постой... Еще о деле:
Сводку я послал вчера ж...
Пусть укажут, что в артели
Он... Матвей Агапыч наш.

Три последних слова вслух он,
Как нарочно, произнес.
Покосившись на старуху,
Карандай тут поднял нос.

Как его не называли:
То Подкладыш, то Гусак,
То Подкурицын... Едва ли
Клей столярный липнет так,

Как та кличка, что народом
В осуждение дана.
Лишь трудами — год за годом —
Изживается она.

По добру, не для укора,
Говорят из края в край:
Хоронись от бед и мора,
От людей не отставай!

Нынче люди-то учены,
Все в артелях в добрый час,
Словно белые вороны —
Не колхозники у нас.

Потому народ доньше
Острым словом метит их.
К коммунизму и в помине
Не останется таких.

Даже сразу не поверишь,
Что на весь окрестный край
За глаза, и то теперь уж
Он зовется — Карандай.

Нынче так и говорится:
— Кто? — Матвей Агапыч! — Как
С трудоднями? — В месяц тридцать
Заработал. — Это так!

Правда, будто кто-то слышал,
Как шутник, взглянув вокруг:
— Из-под курицы, мол, вышел, —
При Матвее брякнул вдруг.

Что ж, такие пустословы,
Надо думать, всюду есть.
Но у нас корят сурово
Тех, кто любит лапти плести.

— Он давно уж с нами вместе.
Что ж колоть его весь век?
Он — ударник честь по чести,
Свой, советский человек!

1949—1950

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Агнеру

Над дубравой ветра вой.
Сад шумит тревожно наш.
Глазки черные закрой,
Спи, мой маленький чуваш!
Под кустом зайчата спят...
Рыбаки ушли в шалаш...
Посмотри все сны подряд.
Спи, мой маленький чуваш!

Теплый дождик за окном
Поливает садик наш.
Вырастай же крепышом,
Спи, мой маленький чуваш!
С другом верно ты дружи —
Будь товарищ, будь юлдаш.
Честно родине служи...
Спи, мой маленький чуваш!

1948

ГЛАЗ ВОЛГИ

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал течение волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,
Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

1949

ПОЛЬ РОБСОН

Вечером включил я репродуктор,
И ко мне донесся, точно стон,
Голос из страны, где было утро,
Но чернее полночи — закон.

И прорвалась вдруг тоска по краю —
Милому и близкому навек:
«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»

Эту песню все поем мы гордо.
Знаю: скоро так же зазвонят
Песни негритянского народа,
Мой далекий, чернокожий брат!

1948

**НИКОСУ БЕЛОЯННИСУ
И ЕГО ДРУЗЬЯМ**

В Афинах мне бывать не приходилось —
От Чебоксар неблизкий путь до них.
Одной мечтой четыре сердца билось
У дальних братьев греческих моих.

Они всегда с народом были вместе,
Храня его от плена и огня.
Кто за свободу борется, кто честен, —
Тот кровный брат навеки для меня.

Вот только что мне радио сказало:
Расстреляны... И я стою, суров,
И, как четыре пули, пронизала
Мне сердце весть о гибели борцов.

Ты ночью, Белояннис, гибель встретил,
С тремя друзьями голову сложив.
Но враг не знал, что снова — на рассвете --
Для человечества ты будешь жив!

Жестокие, трусливые бандиты
При свете дня стрелять не смеют в нас.
Они боятся наших глаз открытых,
Они боятся правды наших глаз.

За эту правду, смертью угрожая,
Бросают нас в промозглый каземат.
Пусть распинают, пусть на кол сажают —
Мы никогда не повернем назад.

Мы знаем путь единственный и чистый,
Никто нас не собьет с того пути.
Умеют, стиснув зубы, коммунисты
На смерть идти!

1952

ХАН СЕР Я

Не раз еще припомню я,
Как встречен был в Москве осенней
Наш гость — писатель Хан Сер Я,
Посланец верный Ким Ир Сена.

За рядом ряд глядел вперед,
Рукоплеща борцу Кореи:
Как будто с ним вошел народ —
Герой великой эпопеи.

Когда к трибуне он шагал,
Казалось мне: несет он знамя.
Поднялся весь огромный зал,
И всплески взмыли голубями.

Он по-корейски говорил,
Без позы, без эффектных жестов.
Одною правдой голос жил:
Народам всем есть в мире место!

Когда участия прилив
Захлестывал той речи звуки, —
Безмолвно голову склонив,
К груди прикладывал он руки.

Я видел здесь, у стен Кремля,
Как там, где пламя полыхало,
Непобедимая земля
Во всем величии вставала.

1952

Я — СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ГРАЖДАНИН!

*Владимиру Маяковскому —
живому среди живых*

Много разных земель знаю я: мир не тесен.
Не везде только солнце свободы.
Много разных наречий, обычаев, песен, —
Расковать бы лишь силы народов!
На чужое не зарюсь, и зависти нету,
Мил и дорог душе край один.
Снова слышится голос трибуна-поэта:
«Я — Советской страны гражданин!»

Где следов не оставил я поступи твердой?
Помню степи, и реки, и горы.
Предо мной расступались бароны и лорды,
Короли с их наемною сворой.
Батраки и рабы, как свободу, встречали
Мой приход средь холмов и долин.
Все я понял: их думы, надежды, печали,
Я — Советской страны гражданин!

Это слово гремит, старый мир оглушая,
И, крылатое, реет все выше.

На земле, в облаках, океан рассекая,
Это слово ты сердцем услышишь.
Кто бы ни был — шахтер, хлебороб или воин,
Украинец, чуваш, армянин, —
Честь и слава тому, кто воскликнуть достоин:
Я — Советской страны гражданин!

Нет советского неба яснее и краше,
Нет советского солнца светлее.
Но дороже всего — это равенство наше,
Наша верность всесильной идее.
По лесам коммунизма бессменным рабочим
Поднимусь я до самых вершин.
Знаю, верит мне Партия, славный наш зодчий:
Я — Советской страны гражданин!

1949

СОДЕРЖАНИЕ

1

| | |
|---|----|
| Здравствуй, Пушкин! <i>Перевод автора</i> | 3 |
| Счастье свободного труда. <i>Перевод автора</i> | 9 |
| Незабываемая встреча. <i>Перевод П. Железнова</i> | 13 |
| По большаку. <i>Перевод П. Дружинина</i> | 16 |
| От зари до зари. <i>Перевод автора</i> | 19 |
| Константину Иванову. <i>Перевод автора</i> | 29 |
| Летний вечер. <i>Перевод М. Рудермана</i> | 33 |
| Осенние мотивы. <i>Перевод С. Олендера</i> | 36 |
| Михаил Сеспель. <i>Перевод автора</i> | 41 |
| Меж великих морей. <i>Перевод П. Железнова</i> | 43 |

2

| | |
|---|----|
| Я живу в России. <i>Перевод М. Рудермана</i> | 45 |
| Победа. <i>Перевод П. Дружинина</i> | 47 |
| Николаю Тихонову. <i>Перевод автора</i> | 51 |
| Черному морю. <i>Перевод автора</i> | 52 |
| Уголок в Ялте. <i>Перевод автора</i> | 54 |
| Прощанье с морем. <i>Перевод М. Рудермана</i> | 56 |
| Федерико Гарсиа Лорка. <i>Перевод автора</i> | 58 |
| Киевским каштанам. <i>Перевод автора</i> | 60 |
| Павло Тычине. <i>Перевод автора</i> | 61 |
| У Аркадия Гайдара. <i>Перевод автора</i> | 62 |

Латвийские стихи

| | |
|---|----|
| 1. Старая родня. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 63 |
| 2. Рыбак. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 64 |
| 3. Янтарный стих. <i>Перевод автора</i> | 65 |
| 4. Гуси-лебеди. <i>Перевод автора</i> | 67 |
| 5. Тоска по дому. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 68 |
| 6. Раковина. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 69 |
| 7. Щепка. <i>Перевод автора</i> | 71 |

| | |
|--|----|
| Алам Мицкевич. <i>Перевод автора</i> | 72 |
| В метро. <i>Перевод автора</i> | 73 |

3

| | |
|---|-----|
| Дуб над Волгой. <i>Перевод автора</i> | 75 |
| Эльдиван. <i>Перевод автора</i> | 76 |
| Джамбул. <i>Перевод автора</i> | 86 |
| Бакен. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 87 |
| Скульптору. <i>Перевод автора</i> | 88 |
| На соревнование. <i>Перевод П. Дружинина</i> | 89 |
| Тридцать первая весна. <i>Перевод П. Дружинина</i> | 92 |
| Ковш дружбы. <i>Перевод автора</i> | 96 |
| Последний. <i>Перевод Б. Иринина</i> | 98 |
| Колыбельная. <i>Перевод автора</i> | 110 |
| Глаз Волги. <i>Перевод В. Потаповой</i> | 111 |
| Поль Робсон. <i>Перевод автора</i> | 112 |
| Никосу Белояннису и его друзьям. <i>Перевод</i> <i>С. Олендера</i> | 113 |
| Хан Сер Я. <i>Перевод автора</i> | 115 |
| Я — Советской страны гражданин! <i>Перевод автора</i> | 117 |

Редактор *Н. Сидоренко*
 Художник *Н. Мухин*
 Худож. редактор *В. Морозов*
 Техн. редактор *О. Котлякова*
 Корректор *П. Суздальский*

А 01369. Подп. к печати 4/VII 1953 г. Формат бум. 70×108/16 —
 1,88 бум. л. = 5,14 печ. л. Авт. л. 3,22. Уч.-изд. л. 3,59. Тираж 5000.
 Заказ № 189. Цена 2 р. 30 к. (по прейскуранту 1952 г.).

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

K

